

«...ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ – В САМОМ СЕБЕ»

Александр Ибрагимов выдал на-гора самую неожиданную для меня книгу «Белый квадрат – Поэт о Поэте». Взвихренная эмоциями исповедь и молитва о любви к братьям-поэтам, гимн и песня, стихи в прозе и свободные стихи: жанр этой необычной и эстетически чувственной работы определяю как сборник поэтических эссе.

В «Белом квадрате» Ибрагимов раскрывает себя, как поэта, по отношению к творчеству тех, кто в разные периоды времени оказал на него самое сильное поэтическое влияние. Впечатляет кругозор автора: наряду с бесспорными гениями – Уолтом Уитменом, Владимиром Маяковским, Сергеем Есениным, Иосифом Бродским, Пабло Нерудой – автор книги, поэтически перекликается с поэтами известными, наверное, только любителям Кемеровской области, а то и объясняется в любви к стихам сочинителей из совсем молодых и талантливых, неизвестных даже знатокам. Творчество всех Поэтов, их мучительные и одновременно радостные, блаженные поиски и находки «Бого-Слова»: всё это вливается, согласно автору, в «Миропэзию».

В какой-то степени книга носит мемуарный характер, но не в главной её части. Оттого неизбежны обвинения, слышанные мной, в том, что автор опять написал о себе, любимом. Извините, а о ком же поэту ещё рассказывать? Ибрагимов и пишет о себе, точнее о формировании и плодоношении своей души – при этом он утверждает, что говорит о своих братьях-поэтах, нигде не греша против истины, все факты, по его словам, стопроцентно документальны.

Наш автор «не в силах забыть божественные стихи... любимых поэтов», однако существуют и «нестерпимо-чужие стихи». В одном случае – восторг и приятие, в другом – отрицание и нелюбовь. И «клекочущее безумие поэтов», которое Саша Ибрагимов ещё мальчишкой начинает «лелеять в себе»: «Для меня Поэзия – это способ восстановления справедливости на Земле. И я выношу приговор человеческому невежеству!» Так максималистски рассуждает он в облике упрямого мальчика с поэтической искрой во лбу.

Может быть, отсюда сакрально-исповедническое его отношение к ослепительно-неприкасаемому Белому Квадрату – «листу чистой бумаги, на который выльются стихи». В далёкие детско-юношеские годы возникает «восторг и детская игра в звуки-слова, переливающиеся радугой смыслов и созвучий». Мощь и сила русского слова и языка изумляют пацана с половиной нерусской крови. Позднее он объяснится в своей душевной русскости и верности русской земле и городу, в котором живёт и никуда, ни в какие столицы не собирается отбывать из Кемерово.

Кого-то насторожит его откровение о православии, восторженно переливающееся в самое настоящее язычество – ортодоксы всегда на страже. Прав ли он в таком пластичном отношении к вере? Поэт всегда прав, и ему всё можно. Хотя в частности он может быть и не точен.

У поэта ремесло нерукотворное, утверждает Ибрагимов. Но он же рвом отделяет тех, кто в сочинении стихов идёт от буквы, так как «буква – это гроб духа». Потому в поэзии, как в поединке, есть победитель и многие проигравшие. О верности последнего утверждения говорит вся история мировой поэзии, да и не могут быть на гребне успеха, например, десятки, если не сотни тысяч поэтов: откройте окно в Internet и устрашится душа от прорвы тех, кто представил свои стихи на суд читателей.

И всё-таки только где-то к середине книги читатель окончательно уверится, что написано-то о поэтах, но рассказывается, прежде всего, о поэте по имени Александр Ибрагимов. После этого можно уже читать, в основном, спокойно-раздумчиво, сознавая, что именно становлению Поэта и посвящена эта работа, истории кристаллизации его поэтического духа, как кристаллизации поэтического слова.

Потому, слова, от которых исходит сияние – это поэзия, согласно Ибрагимову. Слова же без сияния – это что-то иное. Вот автор задаётся вопросом: а Иосиф Бродский, кто он? Бродский – страдающий «ангиной эмигрантства» – это, прежде всего, брат нашего сибирского поэта. Так он его и называет, так и чувствует. А вот страница, на которой буквально в двух-трёх строчках (иногда и в одной строке) характеризуется творчество целой когорты русских поэтов: тех, кто пишет цветом, и тех, кто не пишет цветом. «А простого любителя-фотографа нет. Но он есть – это она, «девочка-фотограф-любитель» Людмила Тарасова-Чидилян, поэт из Кемерово». Как же не часто, нет, совсем редко нынешние поэтические мэтры могут так щедро, как Ибрагимов, звёздно-презентационно говорить о молодых!..

Особого разговора требует оценка языка поэта Ибрагимова. Язык и состояние, в котором он на этом пластично-магматическом, прямом и взвихренном русском языке писал, пожалуй, главное в мощном влиянии написанного. Но не всем, ох, не всем лягут на душу и сердце дрожащие от напряжения образы и мысли, сопрягающиеся в многосоставных словах-конструктах, фирменных для Александра Ибрагимова. По крайней мере, такой камлающей прозы я до него не читал ни у одного поэта. Это как Клюев с душой Уитмена. А собственно возможно ли совместить, создать сплав из русского эпического лирика с американским эпиком? Ибрагимов показывает, как это осуществляется, и делает это в реальности.

Самолюбив ли Ибрагимов в своей книге? Станный вопрос – да у любого серьёзного стихотворца колоссальное количество самых разных комплексов – без развитой психической системы (иногда на грани привычной и обыденной нормальности) настоящего поэта просто нет. У Ибрагимова бездны самолюбия. И, опять-таки, естественно, что «паучок самооправдания» не останавливается, бесконечно ткёт свою бесконечную золотую нить. В результате получается пронзительно-вибрирующая в камертонной музыкальности, да ещё и подчинённая поэту стихия – это поэзия или, как в нашем случае, поэтическая проза. Совсем не случайно автор пишет: «...последние новости – в самом тебе, только прислушайся».

Автор обещает ещё двенадцать биографических поэтических эссе, даже анонс их в книге даётся. На вопрос: «Когда можно прочитать?», – отвечает, – «Необходимо дождаться специального творческого состояния для продолжения». Что это состояние особое, в том нет сомнений – просто так, марая Белый Квадрат, такую прозу-поэзию не напишешь. Будем надеяться, что на это у поэта не уйдёт слишком много времени – прочитать хочется поскорее.

Кемерово, 2012 г.